

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ИСТОРИИ РУССКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ ПРИ ПОДГОТОВКЕ НАУЧНЫХ КАДРОВ

А.Э. Ларионов, к.и.н., доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин,
А.В. Новичков, к.и.н., доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин,
ГБОУ ВО МО «Технологический университет», г.Королев, Россия

Статья посвящена проблеме прикладного использования громадного научного наследия истории русских путешествий в Центральной Азии. В центре внимания авторов находится возможность использования фактов и источников в педагогическом процессе. При этом русские путешествия и исследования Центральной Азии рассматриваются как неисчерпаемый ресурс педагогических идей для российского образования в современных условиях. Методологическая парадигма статьи основана на принципе междисциплинарного синтеза. При этом образование рассмотрено как институт воспроизводства социума в стратегической перспективе исторического бытия страны и народа.

Образование, Центральная Азия, путешествия, история.

PEDAGOGICAL RESOURCE OF THE HISTORY OF RUSSIAN EXPEDITIONS TO CENTRAL ASIA IN THE TRAINING OF SCIENTIFIC PERSONNEL

A.E. Larionov, Ph. D., associate Professor, **A.V. Novichkov**, Ph. D., associate Professor,
Department of Humanities and social Sciences,
State Educational Institution of Higher Education Moscow Region
«University of Technology», Korolev, Russia

The article is devoted to the problem of applying the vast scientific heritage of the history of Russian travel in Central Asia. The authors focus on the possibility of using facts and sources in the pedagogical process. At the same time, Russian travel and research in Central Asia are considered as an inexhaustible resource of pedagogical ideas for Russian education in modern conditions. The methodological paradigm of the article is based on the principle of interdisciplinary synthesis. At the same time, education itself is considered as an institution of reproduction of society in the strategic perspective of the historical existence of the country and people.

Education, Central Asia, travel, history.

Рассматривая образование как социальный институт, воспроизводящий социум в историческом времени посредством трансляции кумулятивного социального опыта, нельзя не задаться вопросом о содержании и качестве транслируемой в сознание учащихся, воспитанников информации. Данная проблема неразрывно связана с определением стратегической цели деятельности всей системы образования в длительной

исторической проекции. Иными словами, необходимо задаваться снова и снова вопросом о том, какую личность мы хотим получить на выходе из школы и ВУЗа?

В наиболее общем виде генеральную цель национальной системы образования можно определить как формирование таких знаний, умений и навыков подрастающего поколения, которые в своей совокупности и системной целостности обеспечивали на уровне социальной популяции преобладание личностей патриотически настроенных, творчески мыслящих, способных к конструктивному взаимодействию, обладающих разносторонними знаниями и осознающими долгосрочные интересы России с прицелом на будущее. Всё это априори предполагает учёт актуальных вызовов времени и способность экстраполировать их в качестве тенденций и претворять в мотивы собственной социальной деятельности.

На протяжении последних трёх с половиной десятилетий Россия объективно была развёрнута лицом к западу как в плане политических приоритетов, так и в смысле культурных и экономических предпочтений. Между тем, уже в период инициированных М.С. Горбачёвым трансформационных процессов под лозунгами «конвергенции» и «нового мышления» звучали голоса предостережения как внутри СССР, так и за его пределами относительно правильности избранного руководством страны курса на очередную вестернизацию и становившихся очевидными пагубных последствий. Достаточно вспомнить Послание иранского лидера Хомейни Горбачёву (1989 год) с указанием ошибочности курса на сближение с Западом и выступление народного депутата Сажи Умалатовой (1990 год) с требованием отставки советского руководителя.

Ограничимся двумя цитатами из этих исторических текстов:

- 1) «...Вам явился цветущий сад Запада и заморозил Вас, но знайте, что истина не там. Если Вы пожелаете на этом этапе распутать только клубок экономических проблем социализма и коммунизма, обратившись с этой целью к очагам капитализма на Западе, то не только не излечите свое общество от недугов, но и придете к тому, что другие будут вынуждены исправлять Ваши ошибки...»[8]
- 2) «Я не знаю кого мы ждем. Под аплодисменты Запада Михаил Сергеевич забыл чей он президент и не чувствует абсолютно пульс страны. Авторитет, уважаемый Михаил Сергеевич, должен быть с порога родного дома. На протяжении шести лет люди постепенно отдаляются друг от друга. Страну захлестнула безнравственность, злость, ненависть, преступность, гибнет страна» [12].

По меркам большого исторического времени и даже по масштабам жизни одного поколения эти обращения практически синхронны и с разных сторон говорят об одном и том же. К сожалению, им суждено было остаться очередными «пророчествами Кассандры». Судьба же Советского Союза и почти 300 миллионов его граждан оказалась трагична. Произошедшие перемены неизбежно отразились на системе образования, некогда лучшей в мире. На протяжении 30 лет воспитание подрастающего поколения осуществляется на основе негласно подразумеваемой и упорно насаждаемой государственной властью западнической или, выражаясь словами социолога и философа Александра Зиновьева – «западнистской парадигмы», которая сводится, по словам самого мыслителя, к двум важнейшим моментам: абсолютизации непроизводительной/паразитарной прибыли и постепенному установлению тотального контроля государственного аппарата за жизнью обычных граждан. «...Моя Родина потерпела поражение в "холодной войне" с Западом, встала на путь позорной капитуляции перед ним и бездумного заимствования западных образцов»[3]. Следовательно, на

протяжении трети столетия образование как важнейшая социальная подсистема устойчиво воспроизводит миллионы людей, которые подсознательно убеждены, что именно Запад есть культурный и экономический центр мира. Под это оказалась нацелена вся система отбора и трансляции учебной информации. В результате складывается парадоксальная ситуация в масштабах всего российского общества и государства: та мировоззренческая парадигма, которая однажды уже привела нашу страну к геополитической, экономической и культурной катастрофе, с упорством, достойным лучшего применения, продуцируется вновь и вновь в сознании молодых граждан России. Из чего с высокой долей вероятности следует, что в будущем возможно повторение катастрофических сценариев, основанных на вестернизационном, колониальном по сути, мышлении общества.

Таким образом, интересы выживания России как самобытной великой цивилизации и субъекта мировой истории напрямую зависят не только от соотношения военных потенциалов с вероятными противниками, даже не от степени технико-экономического развития, но от того «modus cogitatio», который служит операциональной базой повседневных социальных практик и коммуникаций нашего общества. А образ мышления формируется именно в рамках национальной системы образования. Условия для национальных взлётов или падений закладываются в рамках обучения и воспитания подрастающих поколений. Вся история XX столетия служит тому красноречивым подтверждением. Следовательно, в сознании сегодняшних школьников и студентов России необходимо формировать своеобразные «мировоззренческие якоря», которые не позволят будущим полноправным гражданам страны, ответственным за её историческую судьбу, представлять Запад и его матрицу культуры, политики и экономики как инвариант развития, принципиально не имеющий альтернатив. Воспитание подлинно свободной и творческой личности, в то же время ответственной и с широким кругозором предполагает формирование в ментальности ясного представления об «иначе возможном» пути движения. Сразу оговоримся во избежание недоразумений: в нашей статье не идёт речи о том, чтобы полностью перечеркнуть западный опыт в какой бы то ни было сфере социального бытия. Равно как нет и речи о национальной замкнутости. В конечном итоге, один из русских национальных пророков говорил о «всемирности» как определяющем свойстве русской души: «...Назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком...»[2]

В рамках настоящей педагогическо-философской статьи мы имеем в виду не огульное отрицание какого-либо цивилизационного опыта в образовании и не изоляционизм, но именно и прежде всего – широту кругозора и альтернативные модели мышления и опыта с возможностью позитивного творческого синтеза. Тем более, что, как было сказано выше, образование должно учитывать актуальные тенденции современности, из которых, быть может, с течением времени прорастут новые пути исторической судьбы. Представляется очевидным, что в течение последних лет в политическом и экономическом развитии России медленно, но неуклонно набирает влияние вектор евразийской ориентации. Как известно, с 2015 года происходит последовательное выстраивание взаимоотношений в рамках ЕАЭС – Евро-Азиатского экономического союза главным протагонистом которого выступает именно Россия. Ключевым вектором является сотрудничество стран-участников в Центральном-Азиатском регионе. В настоящий момент рано говорить о сколько-нибудь значимых результатах данного вектора внешней политики России, однако его долгосрочное стратегическое

значение очевидно и не подлежит сомнению. Дальше только от субъектов участия зависит, какое содержание будет вложено в данную форму. Однако за каждым управленческим решением и практическим действием неизменно стоят люди с собственным мировоззрением и ценностными ориентирами. Если вспомнить высказанный выше тезис о доминировании западно-центристской парадигмы в российском обществе, образовании и властном пространстве, то едва ли следует ожидать высоких результатов от сотрудничества в рамках ЕАЭС, если интересы России в нём будут представлять люди, чьи ценностные предпочтения и культурные симпатии лежат в иной цивилизационной зоне. К чему следует добавить и отсутствие сколько-нибудь системных знаний о реалиях и историческом контексте российских интересов в Центральной Азии. В таком случае, мы вновь грозим оказаться в ситуации, когда большие начинания оборачиваются более чем скромными результатами, а затраченные огромные ресурсы превращаются в отчёты об успешно «освоенных» средствах федерального бюджета и последующих громких коррупционных скандалов.

Из всего этого с очевидностью следует вывод: успехи стратегических проектов должны готовиться заблаговременно и, прежде всего, по линии подготовки соответствующих глобальной проблеме кадровых ресурсов, равно как и в изменении мировоззренческих векторов общества в целом. Столь же очевидно, что решить эту задачу невозможно без привлечения к ней системы образования, поскольку именно она формирует долгосрочные мировоззренческие тренды социума. Государство и общество формируют социальный заказ, реализовывать который должно именно образование. Если мы говорим о центрально-азиатском векторе как одном из стратегически перспективных для будущего развития России, то необходимо как можно раньше и основательнее задумываться о подготовке людей с соответственно ориентированным мышлением и специфически сформированной сферой личных интересов и предпочтений на основе структурированных знаний. Причём, знаний не отвлечённых, а лично и практически ориентированных. В этом отношении, как представляется, бесценным информационным ресурсом и кладёзем систематизированного опыта могут послужить многочисленные труды нескольких поколений русских путешественников и исследователей Центральной Азии в виде дневников, отчётов научных экспедиций и воспоминаний.

В настоящее время тема продвижения России в Центральную Азию находится на явной периферии общественного внимания. Уроки географии в школьном образовании сокращены до критического минимума, за которым простираются даже не пробелы в географических представлениях, а зияющие бездны воинствующего невежества и готовности воспринимать любые безграмотные выдумки, если они поданы в достаточно ярком оформлении. Да и общественное большинство сильнее волнуют политические скандалы и рейтинги, подробности личной жизни «звёзд», нежели фундаментальные вопросы истории, географии и этнографии далёкого региона. Такие темы, как исторические интересы России «*in cordis mundi*», подвижничество русских путешественников, вопросы кросс-культурных контактов и их долговременных последствий, неизбежно возникающих при этом проблем и опыт их конструктивного разрешения – всё это и многое другое оказывается настоящей «*Terra incognita*» для абсолютного большинства наших современников. По нашему убеждению, актуализация в общественном сознании нарратива русских путешествий в Центральную Азию способна с течением времени (при условии соответствующей системности усилий) заполнить данную лакуну, чем принести немалую пользу Отечеству.

Если общая история русского присутствия в Центральной Азии может отсчитываться более 1000-летия, беря свои истоки в торговых караванах от Новгорода и Киева к Отрару, Бухаре и Самарканду, то первые системные сведения об этом обширном регионе, зафиксированные нашими соотечественниками, значительно моложе. Путешествие тверского купца Афанасия Никитина, оставившего замечательные путевые заметки «Хождение за три моря», где есть сведения и о Средней Азии позднесредневекового времени, датированы третьей четвертью XV столетия. Если говорить о педагогическом ресурсе данного свидетельства, то он, по нашему мнению, может заключаться, как минимум, в двух моментах.

- 1) Как аутентичное свидетельство о географии и культуре Средней Азии по состоянию на 2-ю половину XV века;
- 2) Как доказательство силы духа, дерзновения и глубокого патриотизма русского человека, волею судьбы оказавшегося на годы оторванного от Родины и странствующего посреди «языков чуждых». В плане реализации воспитательного потенциала гуманитарных предметов (история, география) в целом и задач патриотического воспитания – в частности, второй момент представляется более значимым. Особенно, если привести учащимся фразу из заключительного раздела сочинения Афанасия Никитина: «А Русь (бог да сохранит! Боже,сохраннее! Господи, храни ее! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя эмиры Русской земли несправедливы. Да устроится Русская земля и да будет в ней справедливость! Боже, Боже, Боже, Боже!» [6, с. 469]

Уже при рассмотрении этого древнего памятника правомерно говорить о формировании архетипического образа русского путешественника, который, с одной стороны, лёгок на подъём, исполнен любознательности и способного подолгу странствовать на чужбине, посреди самых разных народов, культур, обычаев, но, с другой стороны, повсюду, куда бы ни заносила его судьба, сохраняющего свою русскую самобытность, веру и язык, всегда памятующего о далёкой Родине и всем сердцем к ней стремящегося, какие бы соблазны и трудности не подстерегали его на пути.

На протяжении нескольких столетий после Афанасия Никитина горы и пустыни Центральной Азии оставались для подавляющего большинства русских людей далёкой и загадочной экзотикой. Однако, с середины XIX столетия ситуация быстро и разительным образом меняется. В Центральной Азии начинается эпоха напряжённого противоборства великих держав, получившая обозначение «Great game» - Большая игра, с лёгкой руки британского дипломата и разведчика Артура Конноли. Главные партии в этой многолетней конфронтации играли Российская и Британская империи. Ставкой же являлось доминирование в сердце Евразийского континента с перспективой последующего прямого и косвенного контроля над трансконтинентальными коммуникациями и ресурсами большей части всей Евразии. Позднее, в начале XX века представитель англо-саксонской школы геополитики Хэлфорд Макиндер обозначит внутренние области Евразии как «Heartland» - «сердцевинные земли», контроль над которыми является ключом к мировому доминированию[5, с. 7-32]. Уже этих фактов в принципе достаточно, чтобы сформулировать важнейшую в стратегической перспективе педагогическую идею о безусловной значимости геополитических интересов в развитии тех государств и народов, которые претендуют на роль самостоятельных субъектов мировой истории. На наш взгляд, данная идея должна последовательно проводиться в процессе обучения школьников и студентов как одна из ведущих в формировании

гражданской идентичности. И объективные свидетельства русских путешественников в Центральной Азии предоставляют тому многочисленные красноречивые подтверждения. Уже в XVIII веке русские дипломаты и купцы в Средней Азии неоднократно сталкивались с резидентами английских разведывательных служб, что порой порождало острые конфликты при дворах среднеазиатских властителей. В следующем же столетии такие столкновения приобретают системный характер, интенсивность которого с каждым десятилетием только усиливалась. Не прекратились противоречия и тайная борьба и в XX веке.

Таким образом, из пролонгированного исторического факта меж-имперских противоречий в борьбе за влияние в Центральной Азии можно вывести идею об объективном и самовоспроизводящемся характере этой борьбы, её транс-темпоральной сущности. Ведь за практически три столетия противостояния великих держав *in cordis mundi* (в сердце мира – лат.) в России и Великобритании сменилось не одно поколение политиков и государственных лидеров, господствующих политических идеологий, властных институтов. Концентрированное выражение стремления России в Центральную Азию содержится в истории русских научных экспедиций в этот регион. Для подтверждения обратимся к первоисточникам – то есть, аутентичным свидетельствам самих путешественников.

С какой страстью и силой стремились они к намеченным целям в своих экспедициях, с какой болью воспринимали малейшие задержки на своём пути! Вот что можно прочитать, в частности, на страницах дневника Петра Кузьмича Козлова о начале Монголо-Тибетской экспедиции в 1923-1926 гг., когда начало путешествия знаменовалось непредвиденными и досадными задержками:

«14 июля: Погода стоит замечательная... И нам давно пора на юг... Экспедиция страшно томится и бездействует...

15 июля: Сегодня в течение всего дня скука смертная... Что же Москва молчит? Можно ли так издеваться над экспедицией?

26 июля: Я проснулся очень рано. Меня печалила мысль, что мы стоим и бездействуем... Как мертва станция маленького городка (Тихвина)» [4, с. 24-28].

Козлов отнюдь не одинок в своих переживаниях. Его наставник, великий Пржевальский, не менее остро переживал задержки уже на подступах к заветной цели – внутренним областям Тибетского плато: «На бивуаке близ горы Бумза нам суждено было провести 18 суток в ожидании ответа из Лхасы. От этого ответа зависела участь дальнейшего нашего путешествия. Наше положение оказывалось вдвойне неблагоприятным: во-первых, по неизвестности дальнейшей судьбы нашей, а во-вторых, потому что мы были заперты и спереди, и сзади... Бездействие тяготило хуже, чем все труды предшествовавшего перехода...»[10, с. 312]

А вот свидетельство из дневника Бронислава Людвиговича Громбчевского о военно-топографической экспедиции по Памиру и Гиндукушу в 1890 году, когда отряд оказался заперт в высокогорном селении не по политическим, но по сугубо климатическим причинам – из-за обильных многодневных снегопадов, сделавшими непроходимыми и смертельно опасными горные тропы и перевалы: «Вторник. 6(18) февраля 1890 года. Стоим в селении Кильянг. Снег третьей сутки такой, что откапывать приходится дом, в котором живём. Понедельник. 12(24) февраля 1890 года. Целую неделю простояли в Кильянге, чтобы хоть сколько-нибудь поправить лошадей, которые настолько истощены, что едят плохо и не переваривают съеденного. Скука невозможная. За 9

стоянки в Кильянге только два дня имели ясные и я воспользовался ими для астрономических наблюдений»[1, с. 319-321].

Своеобразное резюме рефлексиям путешественников по поводу потерь времени в кажущемся бесплодном ожидании мы можем увидеть в заметках академика Ферсмана о геологических изысканиях в Средней Азии: «Мы сидим в Ашхабаде, столице Туркменской республики... Но попасть в пустыню не так легко: надо пройти через всю школу Востока – надо терпеливо и спокойно научить ждать. Часы нашей европейской жизни сменяются здесь длинными днями... Нас изводит медленность этих приготовлений... После восьми дней в Ашхабаде новые долгие дни проводим в Геок-Тепе... Тот, кто не бывал на Востоке, не знает, что такое день и час. Жизнь в её вековых условиях, созданных изнуряющим солнцем научила Восток великому принципу – не спешить»[13, с. 296-298]. Обратим внимание: речь в приведённом отрывке идёт о 1924-1925 гг., когда, по сравнению с XVIII-XIX веками, жизнь существенно изменилась. На просторах бывшей Российской империи радикально сменился социальный и государственных строй. Революционные изменения претерпели транспортные средства: лошадь, ишак и верблюд постепенно уступали позиции автомобилю, поезду, самолёту. Однако некие фундаментальные явления в жизни Центральной Азии оставались неизменными. По нашему мнению, из этого вытекают несколько важных идей, которые могут и должны быть внедряемы в сознание учащихся средствами педагогики. Здесь и непреклонное стремление вперёд к намеченным целям, невзирая ни на какие задержки и препятствия. Также мы отмечаем развитие добродетели терпения, которая оказывается не менее важной, чем активно-деятельное преодоление встречающихся экстремальных испытаний (о чём будет сказано ниже). Наконец, и это очень важно – ощущение и острое переживание цивилизационной специфики Востока в целом, Центральной Азии – в частности. Академик Ферсман, будучи представителем русской научной традиции и, в то же время, центральной союзной власти с немалыми полномочиями, продемонстрировал понимание и такт в отношении центрально-азиатского уклада жизни. Ни толики гнева и раздражения не обнаруживается в его заметках о научных экспедициях в Центральной Азии. Восприятие ожидания как неотъемлемого элемента пребывания на Востоке, умение подстроиться под устоявшийся тысячелетиями ритм и темп жизни могут сделать честь любому гостю этого региона. Наконец, необходимо усвоить как объективный факт сам феномен высочайшей резистентности Центральной Азии, её природного и социокультурного ландшафта по отношению к любым внешним раздражителям, сколь угодно мощным модернизационным веяниям. Иными словами, при любом планировании контактов России с людьми, государствами, природой и культурой Центральной Азии этот фактор необходимо учитывать априори. Попытки доктринально-волюнтаристского пренебрежения им, как то бывало не раз в истории, способны принести ущерба гораздо больше, нежели любые сиюминутные успехи. Чему также имеются многочисленные подтверждения как в древней, так и в новейшей истории. И, представляется бесспорным, что вкоренить данное понимание в сознание российских граждан, возможно именно через кропотливую работу в рамках системы образования, особенно, если речь идёт о подготовке профильных специалистов для перспективной работы в рамках проектов ЕАЭС, осуществления российских экономических и культурных проектов в сотрудничестве со странами Центральной Азии.

Безусловно, главным содержанием экспедиций в Центральную Азию были сами длительные путешествия и совершаемый при этом прирост научного знания о всех

сторонах жизни региона – от ландшафта и природы до истории и этнографии. Само перемещение фиксированных групп людей на тысячи километров в отрыве от привычной среды обитания и от благ цивилизации, когда люди месяцами не имели возможности не то что выспаться в мягкой постели, но и смыть с себя пыль и пот, не говоря уже о квалифицированной медицинской помощи, пребывании вне нормативно-правового поля и т.п. - всё это обуславливало длительный режим экстремальности для путешественников. Который только усугублялся резкими и часто непредвиденными переменами погоды, нередко же и острыми ситуациями при встречах с недружелюбно настроенными аборигенами. Всему этому можно отыскать множественные примеры в аутентичном нарративе русских путешествий в Центральную Азию.

В книге Обручева о путешествии от Кяхты до Кульджи через Монголию и Северный Китай в 1892-1894 гг. как об обыденных вещах рассказывается о многодневных переходах через пустыню Гоби при морозах 20 и более градусов, ночёвках в палатках, пылевых бурях, когда путешественники были вынуждены часами ехать в песчаном тумане, стойчески перенося скрип песка на зубах и опасность сбиться с пути и быть погребёнными под толщами наносимых барханов[7, с. 36,60].

Об опасностях иного рода можно прочитать в работах Г.Н. Потанина. Рассказывая о путешествии в пещерный буддийский монастырь, этот выдающийся исследователь описывает и трудности различных дорог: «Дорога подле реки, то есть самая нижняя, считается самой опасной; она лепится по карнизам над пропастью, в которой с шумом катит свои волны большая и глубокая река, и нередко всадник или мул со всадником вместе летят в пучину и находят в ней свой конец»[9, с. 118]. И если в данном случае у путешественника была возможность выбрать менее опасный путь, то нередко во время экспедиций, особенно в высокогорных районах, возможности выбора не было и самый опасный путь был и единственным.

Иногда путешественникам, при всём их опыте и мужестве, могла грозить в буквальном смысле смерть от голода, как это происходило с отрядом Б.Л. Громбчевского: капитан британской армии Янгхазбенд намеренно указал Громбчевскому неверный путь через перевалы Гиндукуша и Тибетского плато (при том, что русский офицер вполне дружелюбно поделился с англичанином картографическими данными). В результате английского коварства отряд Громбчевского оказался на грани гибели в одной из горных долин. Только стойкость, мужество и точный расчёт, сопряжённый с разумным риском, помогли избежать участи, которую цинично уготовил русским британец. Об испытаниях, перенесённых экспедицией на высотах более 5 тыс. метров над уровнем моря, говорит весьма красноречиво хотя бы один нижеследующий эпизод: «Метель и ураган бушевали с невероятной силой. Мы все сбились в единственную уцелевшую палатку...и старали согреться собственным дыханием. С урядником Козякаевым сделались галлюцинации. Не знаю, что чувствовали мои спутники, но лично мне казалось, что мы замерзаем»[11, с. 154]. Если добавить к морозам и буранам разреженный воздух, острую нехватку воды и продовольствия, начавшийся падёж лошадей и общий упадок сил у всех членов экспедиции, то можно только поражаться воле и мужеству русских офицеров и казаков, которые не только преодолели все невзгоды, не потеряв ни одного человека, но также успешно выполняли как дипломатические, так и картографические задачи.

Следовательно, на основе множественных фактов экстремальных, на пределе человеческих возможностей испытаний, которые приходилось в различных видах и вариациях, преодолевать практически каждой экспедиции, можно в очередной раз

сформулировать веер идей воспитательного и обучающе-развивающего характера, потенциально применимых на разных уровнях системы образования. Это получившая практическое подтверждение идея о возможностях человеческого организма и психики, подкреплённых ценностной мотивацией. Также можно говорить о специфической форме социального аскетизма, способности людей довольствоваться минимум материальных благ и, в то же время, демонстрировать высочайшие показатели этики межличностных отношений в замкнутых группах на протяжении длительного времени, научных достижений, обогативших российскую и мировую науку, порочность торжествующего в наши дни культа потребления и гедонизма. Не лишним будет и наглядное подтверждение англо-саксонского коварства в отношении России – как константы международных отношений, чтобы избавиться от иллюзий относительно возможности налаживания некоего обоюдовыгодного «цивилизованного диалога». Для Великобритании и её заокеанского порождения – США, Россия всегда будет оставаться варварским конкурентом, досадным препятствием в борьбе за мировое доминирование, в отношении которого допустимы любые средства и никакие этические нормы не обязательны.

Отдельно следует упомянуть о примерах благотворного культурного воздействия России на коренное население Центральной Азии, примеров коего множество рассыпано на страницах дневников и воспоминаний русских путешественников. Это может стать действенным средством повышения имиджа России в данном регионе в современных условиях развенчания русофобских мифов, которые в последние годы укоренились в национальном сознании бывших среднеазиатских республик СССР. Также из этих примеров можно извлечь ресурс для формирования чувства собственного достоинства у русских людей, способности осознанного противостояния антироссийским мифологемам. Однако подробное рассмотрение этого вопроса грозит сверх меры увеличить объём настоящей статьи. Потому мы оставим его для будущих публикаций по данной проблематике.

Пока же целесообразно перейти к итогам. Начнём с важнейшего из них. Как показал опыт краткого кумулятивного анализа фактов и источников по истории русских путешествий в Центральной Азии, в каждом из них можно отыскать материал, пригодный для педагогического применения. Который, будучи преобразован в сжатые идеи, становится в дальнейшем кодированным сообщением, пригодным для целевой трансляции в рамках образовательной коммуникации. Фактически, при должном внимании к этой странице отечественной истории, может быть сформировано целостное пространство педагогических идей патриотического, этического, развивающего и обучающего характера. Которые, при должной методической и дидактической обработки, могут быть востребованы на разных возрастных ступенях, предметных группах и профессиональных кластерах системы российского образования. Мы сознательно не проводили здесь членения потенциального материала по указанным структурным компонентам. Равно как не навязывали конкретных рецептов практического использования, не настаивали на элективном либо комплексном подходах. Всё сказанное – дело не одной статьи, не одного-двух авторов и весьма длительного времени. Наша же задача состояла в формулировке самой проблемы и привлечении к ней заинтересованного внимания в контексте со стратегическими интересами и перспективами развития России и её политики на Евразийском пространстве. Надеемся, что авторами эта задача в рамках данной статьи была решена хотя бы отчасти.

Литература

1. Громбчевский Б.Л. Дервиш Гиндукуша. Путевые дневники центрально-азиатских экспедиций. СПб.: Нестор-История. РГО, 2016. С. 319-321.
2. Достоевский Ф.М. Речь о Пушкине // <http://онлайн-читать.рф/достоевский-речь-достоевского-о-пушкине> / Дата обращения 12.05.2020.
3. Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма // <https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/61375-aleksandr-zinovev-zapad-fenomen-zapadnizma.html#book> Дата обращения 12.05.2020.
4. Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции. 1923-1926. СПб.: Наука, 2003. С. 24-28.
5. Макиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Классика геополитики XX век. М.: АСТ, 2003. С. 7-32.
6. Никитин Афанасий. Хождение за три моря // Памятники литературы Древней Руси. 2-я половина XV века. М.: Художественная литература, 1982. С. 469.
7. Обручев В.А. Путешествия по Центральной Азии. Путешествия по Сибири. М.: Эксмо, 2012. С. 36,80.
8. Письмо аятоллы Хомейни Михаилу Горбачёву // <https://diletant.media/articles/34484162/> Дата обращения 12.05.2020.
9. Потанин Г.Н., Потанина А.В. Путешествия длиной в жизнь. Сибирь, Монголия, Китай, Тибет // М.: Эксмо, 2014. С. 118.
10. Пржевальский Н.М. Путешествия по Центральной Азии // М.: ЭКСМО, 2010. С. 312.
11. Рудницкий А.Ю. Этот грозный Громбчевский... Большая игра на границах империи. СПб.: Алетейя, 2013. С. 154.
12. Сажи Умалатова требует отставки Горбачёва // <https://www.yaplakal.com/forum28/topic1198917.html> Дата обращения 12.05.2020.
13. Ферсман А.Е. Путешествия за камнем. Л.: Государственное издательство детской литературы, 1956. С. 296-298.